

АЛЕКСАНДР ХОРТ

УТЕСОВ, С
ПЕСНЕЙ ПО
ЖИЗНИ

Александр Хорт
Утесов. С песней по жизни

«Хорт Александр Николаевич»

2013

Хорт А. Н.

Утесов. С песней по жизни / А. Н. Хорт — «Хорт Александр Николаевич», 2013

ISBN 978-5-4444-1413-2

«Эстрада – веселый жанр. Она подразумевает неформальный контакт между зрительным залом и сценой. Подобное общение должно быть веселым – иначе какой в нём смысл? Поэтому мастера импровизации оставили свой след в истории искусства. Их самые удачные шутки передаются из уст в уста, причём порой они не забываются и через десятки лет, кочуют от одного поколения к другому. Весёлый жанр делается весёлыми людьми. Весёлыми не по обязанности, а по призванию. Как правило, эстрадные артисты ярко проявляют себя и в повседневной жизни. Их бытовые шутки и остроумные поступки тоже не забываются. Вышесказанные слова в полной мере относятся и к легендарному артисту Леониду Осиповичу Утёсову. Он оставил нам не только песни. Оставил ещё улыбку, хорошее настроение. Устные рассказы о нём превратились в анекдоты и, то что сейчас называется, байки. Они сделались неотъемлемой частью городского фольклора...»

ISBN 978-5-4444-1413-2

© Хорт А. Н., 2013

© Хорт Александр
Николаевич, 2013

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Хорт

Утёсов. С песней по жизни

От автора

Эстрада – веселый жанр. Она подразумевает неформальный контакт между зрительным залом и сценой. Подобное общение должно быть веселым – иначе какой в нём смысл? Поэтому мастера импровизации оставили свой след в истории искусства. Их самые удачные шутки передаются из уст в уста, причём порой они не забываются и через десятки лет, кочуют от одного поколения к другому. Весёлый жанр делается весёлыми людьми. Весёлыми не по обязанности, а по призванию. Как правило, эстрадные артисты ярко проявляют себя и в повседневной жизни. Их бытовые шутки и остроумные поступки тоже не забываются. Вышесказанные слова в полной мере относятся и к легендарному артисту Леониду Осиповичу Утёсову. Он оставил нам не только песни. Оставил ещё улыбку, хорошее настроение. Устные рассказы о нём превратились в анекдоты и, то что сейчас называется, байки. Они сделали неотъемлемой частью городского фольклора.

Утёсов написал три мемуарные книги, весьма и весьма подробные. О нём тоже написано несколько биографических книг. Есть ли нужда в очередном жизнеописании?

Я, возможно, и не брался бы за это дело, не подтолкнул к этому один случай, о котором поведал наш известный сатирик.

...В 1964 году Леонид Осипович пригласил в свой джаз-оркестр нового конферансье – девятнадцатилетнего Евгения Петросяна.

Однажды во время гастролей в Ростове-на-Дону Петросян зашёл в гостиничный буфет.

– Вы случайно не артист? – спросила его буфетчица.

– Случайно да. А что?

– Нет, ничего, вы меня не интересуете. Скажите, мой король приехал?

– А кто ваш король?

– Кто ещё, кроме Утёсова?!

Вот так, ничего не подозревая, буфетчица, по сути дела, подсказала идею этого жизнеописания – ведь короля играет свита. Можно рассказать про свиту, а всё станет известно про короля. Поэтому здесь, помимо самого Леонида Осиповича представлены и его хорошие знакомые, как правило, тоже незаурядные люди. Рассказаны случаи из их жизни. Утёсов любил подобные ассоциации – упомянут в разговоре с ним чьё-то имя, и он тут же расскажет забавную историю про этого человека.

К сожалению, я не знаю имени той ростовской буфетчицы. Зато могу назвать имена людей, которые не пожалели своего времени, чтобы поделиться воспоминаниями и о короле, и о его свите. Это Е. А. Арнольдова, Н. В. Богословский, В. М. Владин, Б. Г. Голубовский, А. А. Замостьянов, Г. Н. Замковец, М. Г. Казовский, В. А. Качан, И. Э. Кио, О. В. Кирилина, Л. В. Колпаков, Т. В. Кравцова, Б. Ю. Крутиер, А. Е. Курляндский, О. Ю. Левицкий, М. Ф. Липскеров, В. Н. Ляховицкий, Е. В. Петросян, А. Г. Ратнов, М. Г. Розовский, И. А. Серков, В. И. Славкин, М. А. Соломатина, В. Л. Стронгин. Хочется от всей души поблагодарить их за помощь.

В жизни Леонида Осиповича бывали тяжелые периоды, даже очень тяжёлые. Не рассказать о них нельзя. Однако в первую очередь здесь описаны другие моменты – те, благодаря которым имя Утесова считается символом жизнерадостности и остроумия. Ведь никто же не говорил, что биографическое произведение обязательно должно быть скучным.

Мне всегда не давали покоя лавры В. В. Вересаева, автора мозаичных биографий «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни», составленных из документов, писем, цитат и т. д. Не стремился подражать ему, но в том, что произведение получилось фрагментарным, есть и его влияние.

Конечно, читателям встретятся здесь и хорошо знакомые истории. Возможно, некоторые уже в печёнках сидят. Тем не менее автор не нашёл сил отказаться от того, чтобы включить их в книгу, поскольку старался сделать её максимально полной. К тому же от многократного повторения анекдоты и байки только выигрывают, приобретая новые краски и повороты, шлифуются, отбрасывая случайное и выявляя суть. Несмотря на обилие литературных источников, это не научное издание, точность некоторых фактов вызывает большие сомнения, порой одни и те же слова фольклор приписывает разным лицам... И тут мы очень надеемся на помощь читателей, которые смогут уточнить некоторые имена, обстоятельства, детали. Надеемся, что наши уважаемые читатели напишут в издательство об интересных случаях, прямо или косвенно связанных с Утёсовым, свидетелями которых они были или о которых им известно. Такое не исключено – ведь круг общения артиста был очень широк.

Глава 1

«Уй, кто ж его не знает?»

Книгу о знаменитом одессите логично начать с анекдота. На уроке географии учительница вызывает мальчика и просит рассказать об Италии. Про Италию тот ничего не знал, зато хорошо знал про Испанию. Поэтому он сказал: – Прежде чем говорить про Италию, хочу рассказать про находящуюся неподалёку Испанию... Вот и мы так же – прежде чем рассказывать биографию певца, поговорим о его славном городе. Чтобы не забираться в дебри, о которых при большом желании любознательный читатель может узнать как минимум из Интернета, скажем только, что поселения на месте нынешней Одессы, по свидетельствам археологов, существовали ещё до нашей эры. Поэтому регион отличался пёстрым этническим составом. В XIII веке здесь господствовала монголо-татарская орда. Примерно через столетие власть над северо-западным Причерноморьем захватило Великое княжество Литовское. Позже главенствующую роль у него перехватила Речь Посполитая. На месте нынешней Одессы возник порт Качибей, который в конце XV века захватили турки и начали называть место на свой манер – Хаджибей. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов российские войска и черноморские казаки захватили близлежащую турецкую крепость Эни-Дунья. А пять лет спустя императрица Екатерина II подписала указ о строительстве в Хаджибейском заливе международного торгового и военного порта. Чуть раньше под общим руководством графа А. В. Суворова началось строительство крепости. Непосредственно стройкой занимался выходец из Испании де Рибас. Это его именем названа главная одесская улица, на которой он жил. Короче говоря, город постепенно рос, набирался сил, развивался, и в 1795 году Хаджибей был переименован в Одессу – по названию находящегося рядом греческого поселения Одесос. Легенда гласит, что первый мэр Одессы французский герцог де Ришелье, верой и правдой служивший российскому престолу, решил создать новый город, не уступающий по красоте Парижу или Санкт-Петербургу. Последний, кстати, несколько напыщенно именовали Северной Пальмирой. По аналогии Одессу стали называть Южной Пальмирой. Напомним, что просто Пальмира это красивый сирийский город, от которого сейчас остались, увы, только развалины. В 1805 году Одесса становится центром Новороссийского генерал-губернаторства, куда входили степная часть нынешней Украины, Приазовье, Крым, а с 1818 года и Бессарабия. Со временем Одесса получила статус порто-франко (родственник нынешних оффшорных зон); в городе открылся Ришельевский лицей, трансформировавшийся позже в Императорский Российский университет; открылось железнодорожное сообщение между Одессой и жемчужиной Подолии Балтой (примерно двести километров на северо-запад); начал работать получивший всемирную известность рынок «Привоз»... Возможно, не каждый одессит перечислит исторические вехи своей любимой малой родины, но тем не менее эти мелкие и крупные события определили в конце концов ментальность бесшабашного, обаятельного, незаурядного города, подарившего миру столько талантливых людей. Одним из них был Лазарь Вайсбейн, будущий Утёсов, родившийся 9 марта 1895 года. Пятнадцатью минутами раньше на свет появилась его «старшая» сестра Полина. Вайсбейны жили тогда по адресу Треугольный переулок, дом 11, квартира 7 на втором этаже. Сейчас переулок повышен в звании и переименован, теперь это улица Утёсова. На его родовом гнезде висит мемориальная доска, которая гласит: «В этом доме 9 марта 1895 г. родился и провёл детские годы Леонид Осипович Утёсов (1895–1982)». Кто такой, писать не нужно – и так всем известно. Причём родился не в переносном смысле – появился в роддоме, а через недельку привезли домой. Нет, здесь это не фигура речи – он родился именно в этой квартире. Пикантные подробности стали известны, поскольку пови-

вальной бабкой случайно оказалась бабушка эстрадного конферансье Фёдора Липскерова, ставшего через много лет – бывают странные сближенья – другом Утёсова. В своих воспоминаниях он не без юмора описал ту панику, с какой однажды к ней ночью прибежала прислуга Вайсбейнов и заголосила: – Мадам повивальная бабка! Хватайте свой родильный чемоданчик и рысью скачите в квартиру номер семь. Моя хозяйка готова рассыпаться! Акушерка пулей помчалась по указанному адресу, где вскоре и приняла двух близнецов – девочку, а следом мальчика.

Глава семьи Иосиф Климентьевич тоже был из «близнецов» – у него имелся брат-двойняшка Наум, благополучный человек, которому досталось родительское наследство. Иосифу не досталось ничего, поскольку он к негодованию отца женился не на той, которая нравилась родителям, а кого страстно любил на Марии Моисеевне Граник. Нет, вы только посмотрите, люди добрые, она двадцать второй ребёнок в семье, в бедной семье. Да и откуда быть богатству при такой прорве детей! И он ещё рассчитывает на наследство. Не дожждётся! Официально родителей Утёсова звали Малка Моисеевна и Иосиф Кельманович. Так артист указывал в анкетах, а ему ли не знать. Мария и Климентьевич – это уже русифицированный вариант. Но мы, во избежание путаницы, не будем поправлять, а оставим так, как их привычно называли окружающие. Иосиф Климентьевич (1861–1936) являл собой воплощённую непрактичность. Жена говорила, что даже если ему полагалось бы наследство, он бы всё равно его не получил. Зато Мария Моисеевна (1862–1943) была женщиной энергичной, хозяйственной, знала, что у кого покупать. Это и позволяло семье сводить концы с концами. Иосиф Климентьевич служил в порту на скромной должности экспедитора, то есть занимался отправлением товаров. Работал с раннего утра до позднего вечера, участвовал в торговых сделках, занимался посредничеством. Таких коммерсантов в Одессе называли «лепетутниками». Среди них большая конкуренция, а результаты чаще всего плачевные. Если временами и получался доход, то мизерный. Иосиф Климентьевич старался, чтобы его дети заняли прочное место в жизни. Мария Моисеевна родила девятых детей, четверо из которых умерли в раннем возрасте. У Лазаря, домашние называли его Лёдик, были три сестры (Полина, Клавдия, Прасковья) и брат Михаил. Все дети Вайсбейнов, кроме будущего Утёсова, получили высшее образование.

Его детские и юношеские годы прошли в Одессе. "В цветущих акациях город" он потом неоднократно воспевал с эстрады. Там особое море, особое солнце, особая музыка, особые люди. Туда приводят "шаланды, полные кефали"... Музыкой он увлекался с детства, имел абсолютный слух. Дома занимался с учителем игрой на скрипке, самостоятельно научился играть на гитаре, балалайке, банджо. Мальчиком играл в любительских оркестрах. Увлекался и спортом – гимнастикой, борьбой. Жизнь была в меру суетливой, в меру спокойной, в меру радостной, в меру тревожной. Так сказать, в соответствии со своим временем.

Старшая – на пятнадцать минут – сестра Утесова Полина была революционеркой, вступила в партию. Иногда у них дома собиралась революционно настроенная молодежь, что очень не нравилось отцу. Однажды в коридоре Полина прощалась со своими единомышленниками, и там прозвучали слова "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Это услышал старший Вайсбейн и попросил их:

– Соединяйтесь, только не у меня в квартире.

У отца Леонида, человека старой закваски и строгого воспитания, были "слишком правильные" взгляды на мораль. Он, например, не верил, что существуют мужья, изменяющие женам. Рассказы о подобных случаях считал выдумками.

Уже будучи взрослым, Утёсов, подтрунивая над отцом, как-то сказал ему:

– Да, папа, вы совершенно правы. Вот в Саратове муж изменил своей жене и вскоре умер.

– Вот видишь, что бывает, – сказал отец, приняв подтверждение сыном своей правоты за чистую монету.

* * *

В Одессе Лёдя Вайсбейн подружился с мальчиком Оней Прутом, который приехал с родителями из Швейцарии. Поскольку Ледя был на пять лет старше, ему уже стукнуло пятнадцать, то Оня советовался с умудренным жизненным опытом товарищем по всем важным вопросам. Однажды он пожаловался другу на то, что родители заставляют его учиться в музыкальной школе. Леонид нашел выход из положения. Он принес страдальцу большие портновские ножницы и сказал:

– Пригрози тётке, что если ещё раз поведет тебя в эту школу, ты этими ножницами разрежешь в её пианино все струны.

Слова опытного наставника пали на благодатную почву – больше Оню в музыкальную школу не водили.

Р. С. Зато у Оней оказались большие литературные способности – имя Иосифа Леонидовича Прута стало популярным в театральном и кинематографе. Он автор многих пьес и сценариев известных фильмов. Однажды во время Отечественной войны в часть, где служил И. Л. Прут, привезли фильм "Два бойца". Иосиф Леонидович сказал, что песни для этой картины написал его товарищ Никита Богословский. Старшина не поверил. Больше того – он даже рассердился и сказал:

– Тебе товарищ – тамбовский волк. А чтобы впредь не врал, получай наряд вне очереди.

Вскоре в ту часть привезли картину "Секретарь райкома". Когда в титрах появилось "Сценарий Иосифа Прута", тот же старшина ехидно спросил драматурга:

– Скажешь, что это ты?

– Нет, – вздохнул Прут. – Это однофамилец.

*** Своё начальное образование маленький Леонид получал в коммерческом училище Файга. Еврейских ребят туда принимали без ограничений. Но с одним условием: родители должны были подыскать своему отпрыску "пару" – русского мальчика – и заплатить за обучение двоих. А русские как раз без особой охоты отдавали своих детей в это училище. Отец Леонида долго обхаживал некоего Кондрата Семеновича отдать туда своего сына. И тот согласился на уговоры лишь тогда, когда Вайсбейн-старший пообещал, помимо всего, пошить за свой счет "напарнику" форму.

За все время существования училища Файга – с 1883 года – никого из учеников не исключали. Первым и единственным исключенным был четырнадцатилетний Лазарь Вайсбейн, будущий Утёсов. "Файг был выкrest, богач, владелец и директор коммерческого училища – частного учебного заведения с правами, – писал о нём Валентин Катаев, чей отец, вольнодумец каких ещё поискать, работал педагогом в этом заведении педагогом. – Училище Файга было надежным пристанищем состоятельных молодых людей, изгнанных за неспособность и дурное поведение из остальных учебных заведений не только Одессы, но и всей Российской империи. За большие деньги в училище Файга всегда можно было получить аттестат зрелости".

Странно только, что за четверть века существования этой гавани для проблемных подростков отсюда был исключён всего лишь один ученик, и по иронии судьбы им оказался именно наш герой, Лазарь Вайсбейн. Детали его проступка покрыты мраком неизвестности, но суть в том, что какой-то учитель, вроде бы, городской раввин – преподаватель Закона Божьего, пытался отодрать шалуна за уши и получил достойный отпор.

После изгнания из рая Лёдя недолго думая вступил в труппу маленького передвижного цирка И. Л. Бороданова и стал колесить с ним по городам Украины. Согласитесь, не каж-

дый четырнадцатилетний подросток способен так решительно вступить в самостоятельную жизнь.

Подобное трудоустройство стало полной неожиданностью для семейства Вайсбейнов. Только не для самого Леонида, у которого давно завязались доверительные отношения с хозяином балагана, расположенного на Куликовом поле, есть такое в Приморском районе Одессы. Мальчика привели сюда любопытство и белая зависть к представителям феноменального сословия циркачей, людям на редкость уникального таланта, людям ловким, храбрым. Он прокрадывался на репетиции, с замиранием сердца следил за манипуляциями жонглёров и акробатов, за самим директором, который ломал подковы да одним ударом кулака вколачивал гвоздь в толстую доску. Порой пробирался на конюшню к единственной цирковой лошади, где и произошло его непосредственное знакомство с директором Иваном Леонтьевичем. Леонид импонировал Бороданову не только как тонкий ценитель и знаток лошадей (таковым во всяком случае он хотел казаться), но также умением читать и писать – качествами, мало присущими артистам его труппы.

Обстоятельства складывались для юноши очень удачно – и изгнание из училища, давшее ему свободу, и предложение Бороданова работать в его цирке, ехать на гастроли, давшее возможность заниматься любимым делом. Разумеется человеку, не имеющему квалификации, не стать сразу ведущим артистом. У Бороданова Леонид работал на кольцах, на трапеции, выступал как клоун. Однако коронный номер был у него не в балагане, а перед входом в него – на так называемом раусе. Сначала там выстраивалась вся труппа, а затем появлялся он – статный, физически сильный, в обтягивающем трико. И что в данном случае особенно важно – у него громкий голос. Он делает стойку на руках и кричит, обращаясь к гуляющим вокруг потенциальным зрителям:

– Господа почтенные, люди отменные! Что вы здесь стоите? Билеты берите! Здесь ничего не будет – каждый знает. Самое интересное вас внутри ожидает! Пиар оказался весьма эффективным – сборы у цирка улучшились.

Через некоторое, весьма непродолжительное, время романтический флёр цирковой жизни начал постепенно таять. Ночлеги в далёких от комфортабельных условиях, полуголодное существование и постоянные переезды, из-за которых многие вещи теряются или забываются, начали тяготить юношу. Он часто думал, каким образом расстанется со своим благодетелем, который поддержал его в трудную минуту?..

Помог, как порой бывает, случай. Точнее – не было бы счастья, да несчастье помогло. В типичном захолустном местечке Тульчине Леонид заболел воспалением лёгких. Его определили на постой в одно скромное семейство по фамилии Кольба. А цирк вынужден был уехать по своему гастрольному маршруту, и на этом их сотрудничество завершилось.

В семье Кольба, которая с большим сочувствием отнеслась к заболевшему артисту, наибольшую заботу проявляла семнадцатилетняя девушка Аня. Вскоре её родители наивными дипломатическими приёмами стали намекать молодому одесситу, что их дочь-красавица и он исключительно подходят друг другу. Почему бы им не пожениться?

Они так много сделали для его выздоровления, что у Леонида язык не повернулся отказать им в такой пустяковой просьбе. И к великой радости семейства Кольба он согласился. Сказал: «Об чём звук? Дело решённое. Вот только съезжу в Одессу, сообщу о женитьбе родным и вернусь». Без пяти минут тёща наготовила ему в дорогу котлет. Тесть дал без пяти минут зятю денег – рубль семьдесят – на дорогу до Одессы. Жених сел в поезд и через несколько километров думать забыл о своей невесте.

Вот каким ветреником был Леонид Утёсов. Надсмеялся над бедной девчоночкой, надсмеялся, потом разлюбил... Чувства Ани оказались сильнее. Длительное время она бомбардировала его письмами, которые начинались одним и тем же стишком:

Лети, мое письмо,
К Лёдичке в окно.
А если неприятно,
Прошу прислать обратно.

Кончалось же каждое послание стандартной припиской: "Жду ответа, как птичка лета". Разумеется, жених на письма невесты обращал ноль внимания.

Благо, девушка перенесла этот удар судьбы. Не спилась, не наложила на себя руки. Через много лет Утёсов случайно повстречал Аню в одном из киевских кафе. Причём она настолько похорошела, что Леонид не сразу узнал её. Артист с приятелем сидели в кафе и обратили внимание на эффектную молодую женщину за соседним столиком. Она была одна, и приятели пригласили её присоединиться к их компании. Женщина согласилась, высказав несколько странное условие: сумма её заказа не должна превышать рубль семьдесят. Когда же Утёсов упрекнул её в мелочности, выяснилось, что перед ним Аня Кольба, которая таким образом хотела напомнить ему при каких обстоятельствах много лет назад её жених Лёдичка получил в Тульчине деньги на дорогу до Одессы...

Говорила она о давних событиях с улыбкой. Жизнь её складывалась нормально. Сейчас она работала именно в этом кафешантане, исполняла цыганские романсы.

«Почти коллега», – подумал Утёсов.

* * *

Вернувшись из Тульчина, почувствовавший вкус к публичным выступлениям и аплодисментам зрителей Лазарь Вайсбейн мечтал об актёрской деятельности. Он пытался наладить контакты в театральном мире и случайно познакомился с артистом Василием Скавронским – милым, доброжелательным человеком. Вот уж у кого были связи в театральной среде, так это у него. Не в «первой лиге», конечно, но всё же достаточно многообразны, чтобы самому держаться на плаву и другим помогать.

Вскоре после знакомства Скавронский предложил Леде сыграть с ним в дачном театре пантомиму «Разбитое зеркало». Эту смешную вещицу показывали в концертах многие артисты. Содержание её далеко от интеллектуального: денщик офицера нечаянно разбил зеркало и, боясь гнева своего господина, встал в раму, в точности повторяя все его движения. Леонид играл денщика. Они выступили один раз в дачном театре на Большом Фонтане под Одессой. На этом дело и кончилось. Но специально к представлению Лазарь Вайсбейн по предложению Скавронского (тоже, к слову, урождённого Вронского) придумал себе звучную сценическую фамилию.

«Как вы яхту назовёте, так она и поплывет», – поётся в мультфильме "Приключения капитана Врунгеля".

Для выбора псевдонима существуют разные принципы. Иногда корнем служит собственное отчество или имя супруги. Поэтому фамилии Игоревых, Борисовых и Таниных часто встречаются на страницах газет. Популярен и географический принцип. Отсюда пошли всякие Араратские и Калужские. Иные псевдонимы прочно прикипают к человеку, и новое имя становится незаметным в сонме других часто встречающихся фамилий.

Такого снайперского попадания при выборе псевдонима, как у Утёсова, и припомнить трудно. Казалось бы, за основу взято простое русское слово, всем известное, всем понятное. Почему же нам никогда не встречались люди с такой фамилией? Ведь редкий предмет не послужил человеку в качестве прозвища, через поколения укрепившееся в фамилии потомков. Утёс-то почему обошли? Ведь просто и красиво.

Так либо иначе эту придуманную себе семнадцатилетним одесситом Лазарем Вайсбейном фамилию можно считать одной из больших удач в его жизни. С годами она стала нарицательной. Это – его фирменный знак, говоря по-нынешнему, бренд. Стоит её произнести, как снимаются все вопросы. Никто не спросит: "Это про какого Утёсова вы говорите?" Он – единственный и неповторимый. Других просто нет. Раз Утёсов – значит, популярный певец, артист, руководитель оркестра, полномочный представитель Одессы. Утёсов для всех Утёсов. Фамилия постепенно так приросла к нему, что не оторвать.

Р. С. Однажды после концерта к Леониду Осиповичу за кулисы пришёл незнакомый человек и стал уверять, что хорошо знал его родного брата Кольку Утёсова. Напрасно артист уверял посетителя в том, что не имеет брата с таким именем. Визитёр был непреклонен. Нет, я знаю точно – Колька Утёсов ваш родной брат.

– Смеем вас уверить, мне лучшие известны мои близкие родственники. Тем более что Утёсов – это мой псевдоним. Моя настоящая фамилия Вайсбейн, я – еврей...

– Леонид Осипович! – воскликнул гость. – Зачем вы на себя наговариваете!

* * *

После однократного показа «Разбитого зеркала» других предложений артисту Утёсову не поступало. Чтобы Лёдя не сидел без дела и зарабатывал хоть какую-то копейку, отец послал его к своему брату-близнецу в Херсон. Наум держал магазин скобяных товаров. Быстро поняв, что торговля и он несовместимы, Утёсов вернулся в Одессу. И очень вовремя – потому что на горизонте опять возник его добрый ангел Скавронский. На этот раз Василий рекомендовал Леонида антрепренёру Кременчугского театра Шпиглеру, куда и сам поехал – первым любовником. Не имеющего опыта Утёсова взяли туда на хороших условиях.

В августе 1912 года он уехал в Кременчуг. Работая в этом театре под руководством известной провинциальной актрисы Анны Андреевны Арендс стала для Утёсова хорошей школой театрального и эстрадного мастерства. Это был театр миниатюр, где в один вечер давали и драму, и водевиль, и эстрадные номера. Новобранец Леонид играл сценки, скетчи, одноактные оперетты, пел куплеты, танцевал. Пользовался у зрителей большим успехом. А публика здесь искушённая. Приехав туда, семнадцатилетний юноша сразу обратил внимание на то, что стены и заборы этого захолустного городка щедро украшены так называемыми "зазывными" афишами. Особенно ему запомнилась такая: "Сегодня в драматическом театре будет представлена пьеса "Отелло" Уильяма Шекспира, любимца кременчугской публики".

Нервный толстяк Шпиглер тоже не придавал солидности своему детищу. О нём рассказывали всякие курьёзные случаи. Как-то раз труппа сыграла спектакль по пьесе местного начинающего драматурга "Кременчуг ночью". Можно представить себе этот шедевр. Был оглушительный провал. После спектакля к антрепренёру пришли местные аристократы и высказали свое недовольство спектаклем. Возмущенный Шпиглер побежал за кулисы, чтобы сорвать зло на режиссере.

– Что мы делаем?! – истошно кричал он. – Мы же грабим!

– Кого грабим? – не понял режиссёр.

– Её!

– Кого – её?

– Город!..

* * *

Что же он играл в Кременчуге? Не Гамлета, не Отелло, ни других персонажей любимца кременчугской публики. Чаще всего выступать приходилось в кое-как сляпанных водевилях

и оперетках, неизвестно кем сочинённых. Первую роль Утёсову дали в одноактной оперетте «Игрушечка», где он играл восьмидесятилетнего графа.

Затем он играл в пьеске «Угнетённая невинность», которая чудом сохранилась в архиве Леонида Осиповича (РГАЛИ, фонд 3005, оп. 1, дело 1). Полагаю, это типичный образец драматургии провинциальных театров того времени. Пьеска позиционируется анонимным автором (или авторами) как «Комедия-шутка с пением в I действии. Музыка набрана из Оффенбаха, Лекока, Штрауса и др. Переделана с немецкого». Степень переделки можно почувствовать из списка действующих лиц: «Андрей Макарович ИВАНОВ – старый холостяк. Николай Семёнович ИВАНОВ – его племянник. Елена Степановна – молодая дама. ИЛЬЯ – лакей у Андрея Макарыча».

Закоренелый холостяк Андрей Макарович счастлив из-за того, что у него нет жены, он свободен. Случайно в его дом попадает молодая дама, которая якобы убегает от пристающих к ней мужчин. Забежала в первый попавшийся дом и попросила убежища. Холостяк её приютил, через несколько минут влюбился. В финале же выяснилось, что это проделка его племянника: он и его подруга разыграли Андрея Макаровича, чтобы показать, мол, он тоже подвластен женским чарам.

Утёсов играл лакея Илью. Слов у него мало, время от времени появляется и вставляет какую-либо реплику. Более или менее заметный монолог у лакея лишь при открытии занавеса, им начинается пьеса. Ещё нужно добавить, что «действие происходит в Петербурге, в квартире Андрея Макарыча». (Это так у автора или, возможно, машинистка своевольничала – то Макарович, то Макарыч).

Итак, открывается занавес, и что же видят зрители, заполнившие в этот осенний вечер уютный зал кременчугского театра.

«Гостиная в квартире старого холостяка. Дверь в глубине и слева. На авансцене слева диван и маленький столик; справа пианино, стулья и кресла. Вечернее освещение.

ИЛЬЯ (*один. Он лежит на диване в барском халате и спит. Музыка в оркестре продолжается. Немного полежав смирно, Илья быстро поворачивается, подушка выпадает из-под его головы. Он бредит.*) Полно драться, полно драться, полно... оставь... какие права твои на это засвидетельствованы... а к городовому хошь... не боюсь... вот испужал – не боюсь... (*За сценой звонок.*) Засни. Накладут тебе в шею... (*Звонок сильнее.*) Ладно... увидишь... (*Сильнейший звонок. Музыка смолкает. Илья просыпается.*) Что это. Что это. А. Это я приуспел, да... Кто ж тут звонил-то. Уж не барин ли вернулся... (*Звонок.*) Так и есть, это он, это его звонок. (*Зевает.*) Что его рано принесло. (*Звонок.*) Ну, подождёшь – загорелось. Проснулся, слышу... (*Звонок.*) Да слышу, а, чтоб тебе... (*Встаёт.*) Так и лети сейчас, сломя голову... Халат ему надо первым делом приготовить, а то ещё раскричится... Да куда ж это я девал халат-то... Сейчас тут был... Фу, пропасть... Ах, это я давеча что-то смёрз, так его на себя надел... (*Сбрасывает халат. Звонок.*) Да иду, ах, господи, как раззвонился. Что за бунт. (*Уходит тихо в дверь в глубине. Сцена на минуту остаётся пустой*)».

Понятно, что сразу вспоминается гоголевский Осип да и другие комические слуги, проявлявшие в отсутствие своего господина большую независимость. Не знаю, насколько понравится читателям такое начало, только мне приходилось видеть комедии, начинающиеся гораздо скучнее. Поскольку актёрского опыта, да и образования, у Леонида не было, он охотно прислушивался к советам коллег. Впитывал всё, как губка. Это и были его «университеты». Он не пропускал ни одного представления, запоминал многие роли. В результате всё произошло, как в плохих романах: за двадцать минут до начала оперетты Лео Фалля «Разведённая жена» выяснилось, что заболел исполнитель главной роли. Тогда режиссёр сказал Утёсову: «Выручай, не то спектакль сорвётся».

Утёсов оправдал доверие, да так хорошо, что эта роль – кондуктора спальных вагонов Скропа – перешла к нему.

Были у него в этом театре и другие большие роли. Выступал также с сольными номерами. Но, увы, приближался конец сезона, а это означало, что труппа распускается. В те времена в небольших городках они менялись ежегодно. Когда жители постоянно видят артистов на улице, в магазинах, на базаре, их избранность потихонечку тает. Пропадает элемент романтики, притягивающий людей в театр. Тут уже ничего не поделаешь, нужно приглашать в город других актёров. Для прежних это весьма грустно. Несмотря на конфликты и группировки, люди за год работы сроднились, а теперь придётся расставаться. Одни уже подыскивали себе местечко в других театрах, другим предстоит утомительные поиски...

* * *

В 1913 году Утёсов вернулся в Одессу. Сюда же приехала его «группа поддержки» – Арендс и Скавронский. Благодаря их протекции Леонида приняли в театр миниатюр антрепренёра Г. К. Розанова. Это был летний театр, расположенный в сквере в конце Екатерининской улицы, неподалёку от памятника императрице. Называлось розановское детище «Юмор».

В «Юморе» культивировался примерно такой же репертуар, к какому Леонид привык в Кременчуге: такие же интермедии, скетчи, фарсы и оперетки. Но уровень одесского театра всё же повыше, в основном, за счёт актёров. Здесь Утёсов повстречался с замечательными комическими актёрами Е. М. Баскаковой, Ф. Н. Курихиным, П. Н. Полем. Особенно большое влияние на творчество молодого артиста оказал популярный Владимир Хенкин, которому он старался подражать и всегда считал его одним из лучших своих актёрских учителей. Сейчас можно смело сказать, что Владимир Яковлевич Хенкин (1883–1953) – один из самых талантливых рассказчиков в истории отечественной эстрады. Его отличительными чертами были быстрота перевоплощения, заразительная весёлость, музыкальность, умение общаться со зрителями.

Он родился в Харькове в эпоху расцвета варьете и театров миниатюр, и с его кабаретным талантом не мог оставаться не востребуемым. Тем более что обладавший подобным даром старший брат Виктор работал и в петербургском «Кривом зеркале» и в московской «Летучей мыши». (После революции он эмигрировал, а потом вернулся). Свой актёрский путь младший Хенкин начал в 1802 году в феодосийской антрепризе. Перед отъездом родители просили его писать. А отец, узнав о кабальных условиях, предложенных антрепренёром, сказал: – Вот тебе, сынок, немного денег. Чтобы хватило купить марку для конверта. Он работал в многих провинциальных городах. Большая часть его работы – сольные комические номера. Кроме того он охотно представал в качестве куплетиста. Трамплином для популярности Владимира Хенкина стала Одесса 1910-х годов. Узнаваемое изображение еврейского населения, их говора, бытовых замашек обеспечило ему успех у местной, склонной к иронии публики и постепенно сделало знаменитым по всей стране. А эта песня из его репертуара веселит уже не одно поколение слушателей: Это школа Соломона Шкляра,
Школа бальных танцев,
Вам говорят.
Две шага налево,

Две шага направо,
Шаг вприрод и две назад.
Кавалеры
Приглашают дамов,
Там, где брошка —
Там пирод.
Две шага налево,
Две шага направо,
Шаг назад,
Наоборот...

Леонид Утёсов только Хенкину уступал приоритет в рассказывании анекдотов и любил повторять, что Владимир лишь по ошибке не родился в Одессе. *Р. С. Хенкин любил рассказывать о том, как трудно приходилось харьковскому театру во время гражданской войны, когда город занимали по очереди то красные, то белые.*

– В зависимости от власти нам приходилось менять репертуар, – говорил он. – И в конце концов мы придумали специальный сюжет про плохих и хороших. Если город брали белые, плохими делали красных, Троцкого, Ленина... Если приходили большевики, плохими становились Деникин и Врангель. Публика была соответствующая. При белых в зале сидели те, кто ел при помощи ножа и вилки, говорил по-французски. При красных те, которые ели с ножа, без вилки и говорили по-матерному.

* * *

Во время выступления Хенкина в одном из ростовских кафешантанов за столиком выпивала шумная группка белогвардейских офицеров. Один балагур, ёрничая, обратился к нему:

– Господин Хенкин, мы вам не мешаем?

– Мне – нет. России – да.

После этого ему пришлось несколько дней скрываться. Один раз даже спать в бутфорском гробу.

* * *

Кончился летний сезон, и, так же, как в Кременчуге, труппа «Юмора» была распущена. Леонид перешёл в другой одесский театр миниатюр – под руководством М. Линского. Здесь он чувствовал себя как рыба в воде. Опыт первых двух сезонов давал себя знать – Утёсов не только играл в скетчах и водевилях: с лёгкой руки В. Хенкина он освоил жанр эстрадного рассказчика, исполнял много, за что был удостоен большого количества похвальных рецензий. У него было много оригинальных замыслов, появились постоянные авторы. К сожалению, его наполеоновским планам в театре Линского не суждено было сбыться. В разгар сезона Леонид был вынужден покинуть этот театр по уважительной причине – у него начался бурный роман с одной артисткой из кордебалета. Красавица, итальянка, да вот беда у неё оказался ревнивый муж. Сейчас про такого сказали бы, силовик – это был полицейский пристав, мужчина богатырского сложения, который на полном серьёзе грозил убить Утёсова. Пришлось Леониду от греха подальше перебраться в Херсон. Поработав некоторое время там, он переехал в Александровск (так до 1921 года называлось нынешнее Запорожье). А по

пути с ним произошло то, чего никто не ожидал и меньше всего сам восемнадцатилетний артист, – он женился.

Произошло это таким образом. В Херсон он прибыл весной 1913-го. В городе шла привычная размеренная жизнь. В городском театре представляли спектакли русской труппы Соколова, в помещении Товарищества трезвости на Военном Форштадте играли украинские артисты, в театре "Опора" на Греческой улице и в доме Мещанского общества на Канатной улице показывались спектакли с участием ставшего впоследствии известным советским артистом Юрия Шумского. Тоже псевдоним – вообще-то он Шорин.

Утёсов выступал в театре-варьете при гостинице "Яр", а также работал и в кинотеатре "Американский биоскоп" – перед фильмами. По-прежнему исполнял куплеты, юмористические рассказы. Подготовил и новинку: цикл пародий на популярных артистов.

Выступления Леонида пользовались у херсонской публики большим успехом. Однако он посчитал более перспективной для себя работу в Александровске, говорили, там более изысканная публика, и решил перебазироваться туда.

Итак, Утёсов покинул Херсон. Об итальянке он уже и думать забыл, как раньше об Ане Кольбе. Ехал в хорошем расположении духа. Погода отличная, вокруг красота, чистота. Молодой артист уже ощущает свою востребованность, понимает, что с талантом не пропадёшь...

Александровск находится северо-восточнее Херсона. Сначала нужно плыть километров триста по Днепру до Никополя, оттуда – сто с лишним километров по железной дороге.

В Никополе пароход причалил днём, а поезд в Александровск отправлялся по утрам. Никаких интересных развлечений в полусонном, крытом соломой и камышом городишке не было. Чтобы скоротать вечер, Леонид пошёл в ресторан. Когда он ужинал, в зал вошли симпатичная миниатюрная девушка и мужчина, который был попутчиком Утёсова на пароходе. Бросив взгляд на Леонида, мужчина сказал что-то, видимо, насмешливое своей спутнице, отчего та сделала презрительную гримаску и хихикнула.

На следующий день в Александровске Леонид прямо с вокзала направился на показ в передвижной театр антрепренёра В. Азамат-Рудзевича "Мозаика". Посмотрели – хорошо, мы вас берём, сейчас идите устраивайтесь, завтра приходите на репетицию.

Он старался никогда не опаздывать, да тут и опоздать мудрено – комнату снял рядом с театром. Пришёл, разговаривал с режиссёром, когда краем глаза заметил, что в зале появилась какая-то девушка. Когда она подошла ближе, Леонид узнал миниатюрную брюнетку, которая хихикала над ним в никопольском ресторане. Оказалось, это артистка Елена Ленская, которая тоже приехала работать в "Мозаике".

Её родная фамилия Голдина, Ленская – это сценический псевдоним. Не такой удачный, как у него, но тоже вполне приемлемый. Теперь она будет его партнёршей. Новички быстро нашли общий язык с другими артистами труппы, начали репетировать. Как-то после окончания репетиции они одновременно вышли из театра. – Что вы собираетесь сейчас делать? – спросил он. – Сначала пообедаю, потом продолжу поиски комнаты. До сих пор не нашла. – Давайте пообедаем вместе, – предложил он и галантно добавил: – А потом я помогу вам искать жильё. Они зашли в первый попавшийся ресторанчик и за едой почувствовали, что им друг с другом легко, весело, постоянно находятся темы для разговоров. Когда они выполнили первую половину своего плана – пообедали вместе – и вышли на улицу, начался сильный дождь. – Не искать же комнату в такую погоду, – сказал Леонид. – Я живу совсем рядом. Давайте зайдём ко мне, переждём дождь, а потом будем искать. Она согласилась, а дальше... Лучшее всего завершить рассказ о том дне словами самого Леонида Осиповича: «Искать комнату Леночке Ленской не понадобилось – она вошла в мою и больше из неё не вышла. Как будто бы дождь шёл сорок девять лет. Она стала моей женой».

* * *

Л. Утёсов организовал собственный театр миниатюр и гастролировал со своим коллективом по маленьким украинским городкам. Какой репертуар? Да уж, известное дело, какой. Все эти диалоги и монологи ходили по рукам, тексты пересказывались, переписывались, переделывались, чужое выдавалось за своё, иногда своё не грех выдать за малоизвестное произведение какого-нибудь классика. Но по духу всё это самое что ни на есть «развлекалово». В первую очередь тут выезжали на смешных исковерканных словечках. Зрителей хлебом не корми, а дай послушать изуродованные слова. Поэтому появляются сценки простые по сюжету, но забавные по языку. Скажем, сидят два человека в ресторане и беседуют. (РГАЛИ, ф. 3005, оп.1, дело 2.)

«1-й. Виноват, можно сесть?»

2-й (осмотрев). Нет, нельзя.

1-й. Что значит нельзя, когда я уже сижу.

2-й (*презрительно*). Потерянная личность – как вы изменились, г-н Шпигельман, я вас даже не узнаю.

1-й. Как же вы меня можете узнать, когда я вовсе не Шпигельман, а Конторович.

2-й. Ну, я ж говорю, даже фамилия переменялась.

(Входит человек).

1-й. Человек, дайте мне кофе по-варшавски.

2-й. А мне так по-одесски.

ЧЕЛОВЕК. То есть как это по-одесски?

2-й. Это значит я буду пить, а он будет платить. Как же вы не знаете.

(Человек ушёл.)

1-й. Как я посмотрю на вас, вы большой любите хорошо покушать на чужой счёт. Вы, можно сказать, хороший астроном.

2-й. Кто не любит теперь хорошо поесть.

1-й. А что вы думаете. У меня от этих пирожных уже бешенство желудка... Ну, что нового есть у в газеты, что пишут-то?

2-й. Что. Из внутренней политики Америка наступила Японии на хвост, так она боится, чтобы ей не наступили на живот.

1-й. Какой вы, ей Богу, политиканец. Чуть только где воюют две большие державы, как вы сейчас лезете между ними посередке.

2-й. А что бы вы себе думали – так я вам говорю, что Америка меня не забудет...

(Пауза.)

1-й. Куда вы думаете на лето?

2-й. Я так думаю себе в Кислосаводск, только боюсь там теперь тоже облавы.

1-й. Облавы... Можно сказать, я не любовник этих облав. Кстати, вы знаете, Рабиновича расстреляли.

2-й. Что вы говорите! Когда?

1-й. Позавчера.

2-й. Как же расстреляли, когда вот он идёт.

1-й. Он ещё сам не знает, что его расстреляли.

2-й. Так вы ему не говорите, а то он будет волноваться».

[illegible]

* * *

Чтобы не раздувать штатов, каждый артист по очереди продавал в кассе билеты. Как-то во время утёсовского "дежурства" к кассе подошла молодая парочка:

– Скажите, пожалуйста, доктор Поляков уже взял билеты?

Леонид знать не знал, кто такой Поляков. Но поскольку ещё не было продано ни одного билета, то ответил отрицательно. Парочка удалилась, ничего не купив. Через некоторое время еще кто-то обратился с таким же вопросом, потом еще... В конце концов Утесову это надоело и, когда очередной театрал спросил, взял ли Поляков билеты, он ответил:

– Взял.

– Тогда дайте мне два места рядом!..

И торговля пошла как по маслу. Всем хотелось оказаться поближе к загадочному Полякову.

Позже удалось выяснить, что ветеринарный фельдшер Поляков считался местным законодателем вкусов. Ему слепо подражали. Если он шёл на спектакль, то и другие считали своим долгом пойти.

* * *

Разухабистый, порой оскорбительный тон газетных рецензий был тогда в порядке вещей. Херсонские газеты писали про Утесова, когда он начал работать в местном театре:

"Уй, кто ж его не знает?

Одесский смешняк и каламбурец!..

Пьёт, так сказать, из маленького, но собственного стаканчика. Помимо родного языка, г. Утёсов превосходно владеет языком персонажей Юшкевича.

Любит уверять, что бросит современные анекдотики и куплеты и посвятит себя серьёзному искусству.

Только раньше хочет сколотить состояние, по крайней мере в полмиллиона.

Это будет ещё не скоро".

Упоминаемый здесь Семён Соломонович Юшкевич – сравнительно популярный в то время прозаик и драматург. Спектакль по его пьесе "Miserere" шёл даже в Московском Художественном театре. Излюбленные персонажи Юшкевича – мелкие торговцы, еврейская беднота. Пьесу "Повесть о господине Сонькине" Утёсов выбрал для своего бенефиса в Херсоне, а позже уже и в Ленинграде.

Просто диву даёшься, слушая нытьё современных театральных режиссёров: ах, совершенно нечего ставить! Положение в драматургии катастрофическое – нет хороших пьес, остроумную комедию днём с огнём не сыщешь... В результате на сценах появляется сушая чепуха, написанная полными "чайниками", или режиссёры позорят свои седины, сочиняя невнятные композиции из смеси Аристофана и Чехова... Нет, господа, вы ленивы и нелюбопытны. На самом деле существует много прекрасных пьес, написанных и до революции, и после. И хранятся они не где-нибудь на пыльных чердаках или в подвалах, а имеются в крупных библиотеках. Нужно только побольше читать, если не режиссёрам, то по крайней мере завлитам. Взять хотя бы "Повесть о господине Сонькине". В наши дни её поставить было бы не стыдно. Это прекрасная комедия, точнее всё-таки сказать, трагикомедия, с яркими характерами и уморительными ситуациями. Многие мизансцены сродни эстрадным миниатюрам наивысочайшего качества.

К сожалению, рассказать об игре актёра в спектакле практически невозможно, даже если его видел. Это получается, как в том одесском анекдоте: «Я Карузо не слышал, но мне

Рабинович показывал». Да, остались на пожелтевших страницах газет восторги критиков, но самая лучшая рецензия не заменит посредственную съёмку. А телевидения тогда не было. Поэтому об уровне актёрской игры остаётся только догадываться. В этом могут помочь отрывки из пьесы. В данном случае речь идёт о «Повести о господине Сонькине», где Утёсов играл главную роль – скромного конторщика, живущего на жалкие гроши. Однажды он купил лотерейный билет, и теперь всё семейство – у него есть жена, мать – живёт в предвкушении удачи: вдруг повезёт и билет выиграет. Они уже на все лады обсуждают эти радужные перспективы. «СОНЬКИН. Какой вы надоедливый человек, Пузис. Подождите! Мне сейчас пришла в голову совершенно новая мысль. Скажите, мамаша, что это за фамилия Сонькин? Где это папаша выкопал такую фамилию? Прямо насмешка какая-то. Придумали женскую фамилию, и я должен её всю жизнь носить. Мамаша, знаете, как только я выиграю двести тысяч, я сейчас же начну хлопотать о разрешении переменить её. (Грызёт ногти). Безобразия! Сонькин! МАНИЧКА (в восторге). Как ты это хорошо объяснил мне, дусик! Почему Сонькин, мамаша? МАМАША (с досадой). Что вы пристали ко мне? Виновата я, что моего мужа звали Сонькиным? МАНИЧКА. А с кем же мне говорить, у кого спросить? Ведь есть такие хорошие, приятные фамилии! Например, (произносит с чувством) Гольдштейн или Зильберман, или Эдельман, или Гринштейн! И вдруг Сонькин! Нет, дусик, ты в самом деле переменишь фамилию, если выиграем. Но какую мы выберем? МАМАША. А я говорю, что лучше Сонькина нет фамилии. Всю жизнь её носила и даже не чувствовала неприятности. МАНИЧКА (аристократически). Вы не чувствовали, мамаша, а что вы можете чувствовать? Я – это другое дело. Я так чувствую, что могу даже расплакаться. (К Сонькину). Дусик, например, Эпельбаум? (Произносит с чувством). Мадам Эпельбаум. Пузис, правда, красиво? ПУЗИС. Для меня, скажу откровенно и окончательно, самая лучшая фамилия это Ротшильд. Если уж менять, то только на Ротшильда. По крайней мере имеет вес. СОНЬКИН (грызёт ногти. Осторожно). А если бы, господа, я предложил – Верещагин? МАМАША. Верещагин? Что это за фамилия Верещагин? Даже испугаться можно такой фамилии. ПУЗИС (решительно). Не годится! Не раздумывая долго, Сонькин, выбросьте её из головы! МАНИЧКА (нежным голосом). Рубинштейн, дусик, Рубинштейн! СОНЬКИН (отмахивается). Подожди, мамочка! Как, Верещагин не нравится? Ну хорошо, так могу назваться и Животовским. Абрам это Анатолий, и вместе выйдет Анатолий Животовский. Замечательно! Удивительно и замечательно! (Ходит важно по комнате. Ерошит волосы). Анатолий Животовский, Анатолий Животовский! МАНИЧКА. Ах, как красиво! Дусик, а как обо мне скажут? Вот идёт мадам Животковская! Я в восторге! Согласна!»

И вот, казалось бы, невозможное свершилось – выиграли. Богатое семейство Сонькиных решает покинуть свою халупу и переехать в гостиницу «Европейская». Главу семьи послали снять номер, но вскоре он возвращается совершенно обескураженный. «МАНИЧКА. Дусик пришёл, дусик пришёл! (Быстро идёт к нему). Ну что, снял комнаты? Ждёт нас автомобиль? Одевайтесь, мамаша. СОНЬКИН (смущён. Всё ещё подавлен случившимся). Подождите, мамаша, одеваться, не спешите ещё! Автомобиль? Да, ждёт. (Ерошит волосы). Конечно, ждёт. (Заикается). То есть, я хотел сказать, что не ждёт. МАНИЧКА (испуганно). Как не ждёт? Может быть, что-нибудь случилось? СОНЬКИН. Случилось! (Грызёт ногти). То есть не случилось, то есть я хотел сказать, что случилось. (Все с беспокойством окружили его). МАНИЧКА (страдальческим голосом). Что случилось, что? МАМАША. Дай мне его, Маничка, спросить. Я же его лучше знаю, чем ты. МАНИЧКА. Вы уже опять некстати вмешались. Не мучьте меня. Дайте мне его спросить. МАМАША. Я его родила, воспитала, а ты его лучше знаешь! Абрамчик, скажи, своей дорогой мамаше, что случилось? СОНЬКИН (грызёт ногти. Смотрит в землю). Случилось, дорогая мамаша, что я комнат не снял. МАНИЧКА (вскрикнула). У меня в глазах потемнело. Как ты меня пугаешь! Посади меня. Подумай, дусик, госпожа парикмахерша шёпотом разговаривала со мной, чтобы у

меня, не дай Бог, голова не разболелась, а что ты со мной делаешь? Почему же ты комнат не снял? СОНЬКИН (грызёт ногти. Подавленно). Почему? А что я могу сделать, если... мне стыдно? Ты думаешь, Маничка, это так легко: поехал, снял. Ничего подобного! Это дома легко... Во-первых, не поехал, а закоулочками пробирался, чтобы не встретиться со знакомыми... МАНИЧКА. Закоулочками! Слышите, мамаша, закоулочками: а извозчика, а карету, а автомобиль ты не мог взять! СОНЬКИН. Но если мне стыдно! Ты думаешь, это так просто взять автомобиль» А от «Европейской» у меня даже голова разболелась. Это дома легко говорить об «Европейской». Разве это дом – это же дворец! Кругом балкончики, балкончики... Я насчитал двадцать балкончиков. И всё кареты, кареты, генералы, автомобили. Ты думаешь, туда так легко войти? А швейцар? Ведь у входа стоит швейцар? Но какой! Я ещё не видел таких швейцаров. Настоящий великан. И такой строгий с виду. Два часа простоял я против гостиницы и так и не вошёл. Как это тебе нравится, Маничка? Такой дурак, такой трус, такой Сонькин должен был выиграть двести тысяч. Кого ты боишься? Швейцара? Швейцара боюсь. Здесь дома я бы его не испугался, но как его заманишь сюда? Вот тебе и Сонькин! МАНИЧКА (решительно). Так я поеду! (К Сонькину). Ты пока пригладь волосы. Мамаша, одевайтесь. Мы швейцаров не боимся». Далее идут смешные эпизоды с дальними родственниками, которые не видели его годами, а теперь всякими правдами и неправдами пытаются выцыганить у Сонькина значительные суммы. Приходит хозяин, предлагающий стать ему компаньоном. В классную гостиницу семья всё-таки переехала. Сонькин получил в банке выигрыш наличными, принёс их в номер, стал пересчитывать, и тут выяснилось, что от баснословного богатства он рехнулся. Дело к тому и шло. «СОНЬКИН (кричит взволнованно). А помните, Пузис, как часто у меня денег на папиросы не хватало... Никогда как следует выспаться не мог. Дядя Моисей по субботам бывало приходил, а я ему ничем не мог помочь! А теперь... (Вдруг нетерпеливо). Довольно считать, Маничка, не хочу больше! Всё равно никогда не сосчитаем. (Перебирает нервно бумажки). Эти десятки, сотни тысяч, эти миллионы! МАНИЧКА. Дусик, солидно, спокойно, ты мне мешаешь. СОНЬКИН (у которого подёргивается лицо). Да, солидно, а что мои ноги под столом делают? А что мои руки делают? Смотрите! (Весь извивается). Всё во мне танцует. Пузис, вы думаете, от жадности, вы думаете, что мне деньги нужны? Что мне деньги! От радости во мне всё танцует. Я могу все деньги раздать! Сколько я вам обещал? Десять тысяч? А я дам вам пятнадцать. А вам, Беленький, сколько нужно, чтобы быть счастливым? Десять тысяч? Берите! Все, кому нужно, берите у меня! Все маленькие, забытые, несчастные идите ко мне. (Бросает деньги). Никто не знает Сонькина, как я его знаю. (Мамаша хватается за руку). Не мешайте, мамаша. Я людей делаю счастливыми... (Бросает деньги). Берите, Пузис, эти тысячи! Беленький, и вы, и вы! Зовите всех сюда!...»

P.S. В московском зимнем театре "Эрмитаж" был поставлен спектакль по пьесе С. Юшкевича "Комедия брака". Он не имел успеха, несмотря на то, что главную роль исполнял один из самых одаренных российских комиков Борис Самойлович Борисов. Автор пьесы приходил на очередной спектакль, видел, что сбора практически нет, и шёл плакаться в жилетку к Борисову:

– Знаешь, Боря, если бы "Комедию брака" ставил Санин, был бы успех.

И уходил. На следующем спектакле опять нет ни сборов, ни успеха. Юшкевич снова приходит к Борисову и говорит:

– Знаешь, Боря, если бы декорации писал Коровин, был бы успех.

После следующего спектакля всё повторяется. Опять Юшкевич идёт к Борисову и начинает ныть:

– Знаешь, Боря, вот если бы...

– Знаешь, Сеня, – не выдержал однажды Борисов, – вот если бы эту пьесу писал Гоголь, был бы успех.

* * *

"Это было в Одессе в 1914 году. Я вскочил на площадку трамвая. Купил билет. К рядом стоящей женщине подошёл кондуктор. Она хватается за карман и обнаруживает пропажу кошелька. Начинает дико плакать. "Сколько денег было у вас?" – спрашиваю я. "Двадцать копеек", – говорит она. Я даю ей 20 коп. Она покупает билет. Кондуктор уходит. "Отдайте мне кошелек тоже", – говорит она. Леонид Утесов."

P.S. Этот рассказ Леонид Осипович собственноручно вписал в "Чукоккалу" – рукописный альманах Корнея Ивановича Чуковского, в котором оставляли автографы многие его именитые знакомые заходившие на огонёк. Поскольку детство, юность и молодость К. И. Чуковского прошли в Одессе, Леонид Осипович считал его своим земляком. Они дружили всю жизнь. Когда Утёсов бывал в переделкинском Доме творчества, Корней Иванович часто зазывал его к себе на дачу, чтобы артист устраивал импровизированные спектакли. При этом между ними происходил примерно такой диалог. Чуковский говорил:

- Утёсик! Приглашайте публику и начинайте спектакль.
- А почему вы не приглашаете свою детскую аудиторию?
- Это опасно. Никогда заранее не знаешь, что способен сказать одессит.
- Тогда вы не знаете, что можете сказать вы сами, – парировал Утёсов.

* * *

В Одессе началось серьёзное увлечение Утёсова сценой. Он работал во многих маленьких театральных труппах, которые кочевали по Украине. Гастрольная жизнь артистов, ох, как нелегка. Она никогда не была и не будет легкой. Он ещё в юности убедился в этом, поколесив с цирком. Однако у Леонида Осиповича был такой характер, что он не любил вспоминать про горести и заботы. Считал, они проходят, забываются. Гораздо приятнее вспоминать веселые моменты жизни, пускай даже таковыми они кажутся лишь из прекрасного далека. А не тогда, когда неизвестно, что впереди...

В Геническе к труппе театра миниатюр, в котором играл Утёсов, присоединился эстрадный танцор Минцельмахер. Он всегда выступал под псевдонимами, причём менял их в зависимости от "национальной" принадлежности танца. В кавказских плясках выступал как Мицелидзе, в русских – Муратов, в румынских был Муцунеску...

Сборы в Геническе были хилые, и Утёсов почему-то решил, что больше всего местную публику привлечёт экзотический негр. (Это отчасти подтвердилось). Леонид подбил танцора на совместную авантюру, и они выпустили афишу, на которой было написано, что выступает Джон Джонсон из Бразилии.

Два вечера они успешно морочили людям головы – загримированный негром Минцельмахер танцевал, а конферансье Утёсов рассказывал зрителям о Бразилии, расположенной "на юге Африки".

Перед третьим представлением в театре неожиданно появился пристав, потребовавший вызвать Минцельмахера. Когда тот появился, загримированный только наполовину, пристав спросил:

- Вы что – негр?
- Нет, еврей.
- Почему же тогда выступаете негром?

– Я не имею право на жительство, но право на грим имею в каждом городе.
Проглотив эту дерзость, пристав спросил:
– А почему пишете, что вы из Бразилии?
– Это правда. Я жил в Одессе в гостинице "Бразилия".
– За обман властей я запрещаю ваши выступления, – подвел итог беседы пристав. –
Возвращайтесь в Бразилию.

* * *

Для привлечения зрителей в провинциальных городах часто проводились конкурсы юмористов. Однажды в Гомеле афиши извещали о том, что в конкурсе юмористов будут участвовать Л. Рабчинский, Г. Раздольский, И. Самарин и Л. Утёсов.

Результаты подобных соревнований определялись предельно просто. У выхода из зрительного зала стояли четыре урны, на каждой из которых была написана фамилия участника. Покидая театр, зрители опускали свои билеты в урну с фамилией понравившегося артиста. У кого больше всего билетов, тот и объявлялся победителем конкурса.

На другой день в местной газете было написано: "Исключительный успех выпал на долю г. Утёсова, артиста яркого и разностороннего дарования... Публика не скупилась на знаки внимания и к остальным участникам конкурса".

Вскоре "остальные участники конкурса" явились к Леониду, в его гостиничный номер. Они были явно обижены и возмущены. Загалдели наперебой:

– Что же это такое?! Выходит, ты один талантливый, а мы нет! Это никуда не годится, мы не согласны...

Чтобы как-то успокоить пожилых людей, ни в чём не виноватый Утёсов согласился пойти с ними в редакцию. Там они надеялись исправить положение. На следующий день в газете появилось следующее добавление: "Напечатанная во вчерашнем номере нашей газеты заметка о конкурсе юмористов вызвала реакцию зрителей, на следующих спектаклях поспешивших доказать, что артисты Самарин, Раздольский и Рабчинский пользуются не меньшими симпатиями, чем г. Утесов".

* * *

С началом мировой войны театральная жизнь в Одессе замерла. Утёсов занимался в консерватории по классу скрипки. Неожиданно выяснилось, что студентов не берут в армию. Это обстоятельство вызвало зависть у художественного руководителя Ришельевского театра миниатюр Павла Поля. Он спросил Утёсова:

– Вы занимаетесь в консерватории?
– Да.
– А мне нельзя туда?
– Что вы там будете делать? – удивился Леонид, будучи невысокого мнения о музыкальных способностях Поля.
– Учиться играть.
– На чем?
– На барабане.
– Ну, если на барабане, – едва сдерживая смех, сказал Утёсов, – вас, пожалуй, примут.

P.S. Со временем Павел Николаевич Поля стал знаменитым комиком, артистом московского Театра сатиры. Правда, на сцене он часто путал текст роли и нес отсебятину. Коллеги шутили про него: "Существует толковый словарь Даля и бестолковый Поля".

Однажды П. Н. Польш был с Театром сатиры на гастролях в Ленинграде, когда туда неожиданно приехала его жена и застучала в номере своего мужа любовницу. Ударом кулака решительная женщина распахнула дверь и произнесла ставшую в артистической среде крылатой фразу: "Когда жены приезжают, бл. и убираются вон".

* * *

Несмотря на то, что он был студентом консерватории, Утёсова в 1916 году призвали в армию и зачислили рядовым в пехотный полк, квартировавший в нескольких верстах от Одессы. Там он попал под начало подпрапорщика, который крайне неохотно давал солдатам увольнительные в город.

Однажды получилось так, что галантный Утёсов поцеловал ручку жене подпрапорщика. Тот сразу страшно приревновал её к Леониду и при каждом удобном случае старался удалить его из расположения роты. Отныне, когда Утёсову не терпелось навестить жену и дочку, он целовал руку супруге подпрапорщика и получал увольнительную на целую неделю.

* * *

Дочь Утёсова родилась 14 марта 1914 года, её назвали Эдит. Замечательный эстрадный артист Геннадий Михайлович Дудник рассказывал, как Утёсов поведал ему одну историю, связанную с экзотическим именем его дочери.

Когда она родилась, обрадованный молодой отец пошёл в синагогу – записывать её и попросил дать имя Эдит. Тщательно обследовав свою книгу, в которой были записаны все еврейские имена, шамес-писарь сказал:

- Такого еврейского имени нет. Возьмите Сарра или Ребекка. Чем они плохи.
- А мне больше нравится Эдит, – настаивал Утесов. – Очень красивое имя.
- А что это за имя?
- Норвежское.
- А где находится эта Норвегия?
- В Америке.
- Ну, если в Америке, тогда можно, – милостиво согласился тот. – Пусть будет Эдит.

* * *

Февральская революция 1917 года принесла еврейскому населению России большую радость – была отменена черта оседлости, существовавшая ещё со времён императрицы Екатерины II – с 1791 года.

Напомним об этом уродливом признаке неравноправия.

Её официальное название "Черта постоянной еврейской оседлости". Она определяла границы территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство иудеям. Фактически эти препоны перестали существовать с 19 августа 1915 года, когда управляющий Министерства внутренних дел разрешил, в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени, проживание евреев в городских поселениях вне черты оседлости. Официально же полностью прекратила своё существование вскоре после Февральской революции, когда 20 марта 1917 года Временное правительство приняло постановление, подготовленное тогдашним министром юстиции А. Ф. Керенским. Этим законодательным актом отменялись все

"ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности".

Запреты сильно осложняли жизнь еврейского населения в России. Правда, в императорских и правительственных указах имелись исключения для отдельных категорий граждан и представителей разных профессий, скажем, для купцов, фабрикантов или типографских наборщиков. Но в целом картина была удручающей, годами велась борьба за отмену позорного запрета, и вот наконец барьеры убраны.

«Расширение географии» Утёсов, к тому времени имевший «широкую известность в узких кругах», почувствовал сразу – уже в марте он получил приглашение в Москву: выступать в кабаре при ресторане «Эрмитаж», в котором работал знаменитый повар француз Люсьен Оливье (1838–1883), подаривший свою фамилию салату, с годами ставшему неотъемлемым спутником торжественных застолий советских людей. (Правда, наши хозяйки готовят некую модификацию салата. В оригинальном рецепте никакой варёной колбасы или курицы не предусмотрено – только рябчик). Ресторан помещался на Трубной площади, сейчас там разместился театр «Школа современной пьесы». (Кстати, сегодня им руководит одесит И. Райхельгауз).

Кабаре находилось в саду, позади ресторана. Утёсов выступал там со своим одесским, хорошо проверенным репертуаром: куплетами, рассказами, монологам. Особым успехом у зрителей пользовалась сценка «Как в Одессе оркестры играют на свадьбах». Её изюминка заключалась в том, что Леонид Осипович имитировал голосом музыкальные инструменты, которые подбираются при формировании свадебного оркестра. Чтобы показать товар лицом, музыканты при этом стараются импровизировать. Возможно, этот номер был первым маленьким шажком на пути создания утёсовского джаза.

Московская публика принимала одесского артиста без особого восторга. Сдержанным жителям средней полосы иной раз трудно понять экзальтированный, излишне склонный к восторгам по любому поводу темперамент южан, их заикленность на бытовых проблемах, нарочито исковерканный язык.

Через месяц Леонида Осиповича пригласили в программу театра П. П. Струйского, находящегося по тогдашним меркам на отшибе – в помещении нынешнего филиала Малого театра на Большой Ордынке, 69. Там его принимали ещё прохладнее. Зал заполняли мещане и рабочие Замоскворечья, которым нелегко понять своеобразный характер одесского сапожника или биндюжника.

В конце концов Утёсова охватил такой сплин, что, не дождавшись окончания сезона, он вернулся в Одессу, где начал выступать в Ришельевском театре.

Единственным приятным воспоминанием о театре Струйского было знакомство со Смирнов-Сокольским.

Р. С. В то время Н. П. Смирнов-Сокольский ещё не выработал свой оригинальный жанр сатирико-публицистического фельетона, чем прославился впоследствии, а выступал как куплетист.

До прихода на эстраду Смирнов-Сокольский пробовал себя в журналистике в качестве репортера отдела происшествий. Его первый репортаж о пожаре занимал десять страниц убористого текста. В редакции рукопись сократили, опубликовав лишь несколько строчек о том, что дом сгорел.

Следующий материал об ограблении могилы крупного московского богача был опубликован полностью. Однако на следующий день поступило опровержение родственников покойного. На этом карьера молодого журналиста кончилась.

* * *

Переехавший из Киева в Одессу Яков Петрович Ядов (1873–1940) был плодовитым автором. Мало того, что его стихотворные фельетоны практически ежедневно появлялись в газетах, он еще много писал для эстрады. Современники отмечали, с какой поразительной быстротой он сочинял по заказу интермедии. Например, приходит к нему артист и просит:

– Яша, напиши смешно.

Тот требует дать ему тему. Темы у артиста нет, и он говорит какую-нибудь чепуху вроде того, что человек заходит в трамвай.

– А дальше? – спрашивает Ядов.

– Дальше придумай сам. Ты же автор.

– Финотдел, баня, растратчики, покрашенные девицы тебя устраивают?

– Да всё равно. Лишь бы смешно было.

– Рефрен "Ай, спасибо вам за урожай" подойдет?

– Годится.

Яков Петрович тут же садится за пишущую машинку и начинает печатать с пулеметной скоростью. Время от времени он хохочет. Заказчик спрашивает:

– Ты чего смеешься, Яша?

– Уж очень смешно получается...

В считанные минуты Я. П. Ядов сочинил слова знаменитой песенки нэповского периода "Бублики". Приехав в 1926 году в Одессу, куплетист Г. Красавин сразу обратил внимание на то, что на каждом углу торговли кричат: "Бублики! Купите бублики!.." Он пришёл к Ядову и сказал:

– Яша, вся Одесса кричит про бублики. Давай я буду про них петь.

– Хорошо, – согласился тот. – Ты приготовь чай, а я пойду печь бублики.

К тому моменту когда вскипела вода, были готовы и слова песни...

Однажды Утёсов посетовал ему:

– Яша, я сегодня пошёл в баню, а она закрыта. Говорят, нет воды.

Ядов тут же выдал экспромт:

От среды и до субботы
В нашей бане нет работы.
От субботы до среды

В нашей бане нет воды.

* * *

После революции концертные аудитории заполнила совершенно новая публика, надо было приобщать массы к культуре. Неискушенным зрителям буквально навязывались представления, которые им было необходимо посещать. Как-то устроитель очередного концерта в антракте спросил группу зрителей:

– Ну как – нравится?

– Да ничего. Терпим, – последовал ответ.

* * *

При большом количестве карманных театров миниатюр требовалось немалое количество произведений для исполнения. Чтобы иметь собственный оригинальный репертуар, артисты налаживали связи с авторами. Ведь случались же в концертах накладки, когда в результате несогласованности разные артисты исполняли одно и то же.

Для набравшего популярность Утёсова эстрадные авторы писали охотнее, чем для кого-либо. Нужды в материалах он не ощущал, только успевай разучивать. В архиве артиста сохранилось много эстрадных рассказов, исполняемых им. По духу они мало отличаются от аналогичных интермедий. Тут тоже требуется усиленная жестикуляция, тут тоже отвечают вопросом на вопрос. Взять хотя бы рассказ Мирона Ямпольского (автора прославившегося песенкой "Ужасно шумно в доме Шнеерсона") "Папиросы". Его он написал специально для Утёсова 1 августа 1918 года. Хочется привести "Папиросы" здесь с небольшими сокращениями. Они понадобились не только для уменьшения объёма. Отчасти в данном случае это мера вынужденная. Почерк Ямпольского далёк от каллиграфического, поэтому некоторые слова трудно разобрать.

"Моисей Циммерман подзывает к себе своего десятилетнего сына:

– Иди-ка сюда, но сей минут, чтоб я тебя видел около себя... Как ты ходишь? Как ты ходишь, как беременная муха?... Сколько раз я тебе говорил, что когда только я пискну, так ты должен поломать себе руки и ноги и тому подобные предметы первой необходимости и выскочить, как пробка от шампанского. Слышишь, что я до тебе говорю?

– Я слышу, папа, но что ты от меня хотишь? Я уже иду!

– Ты идёшь? Радость на твою бабушку Симу! Он уже, слава Богу, идёт... Неврика! А что ты хотишь? Чтоб ты уже идти тоже не мог... Я тебе покажу, подожди... Чтоб я так завтра продал квитанцию на один вагон губной помады, это уже хорошая клятва, что я с тобой покончу самоубийством... И потом, чтоб ты знал, я уже с тобой больше разговаривать не буду.

– Папа, за что? Я не знаю ничего даже. Ей Богу – это Маня вовсе.

– Что ты всё сваливаешься на Маню? Маня вовсе виновата... Ты даже недостойн сказать такое священное слово – Маня... То, что у Мани в грязных ногтях, то у тебя никогда не будет ни в голове, ни на голове. Уйди лучше... Я на тебя не могу смотреть, как на солнце, я на тебя не могу смотреть, такой ты стал непереносимый... Стой! Что ты удираешь? Ему некогда! Бежит! Теперь он бежит, как самовар, а когда я его зову, так он стоит парализованный... Ша, ты молчи... Ты лучше не говори, а стой, как глухонемой, слушай, что я тебе скажу и отвечай на мои слова. Я тебя спрошу только один вопрос: где ты куришь, почему ты куришь, отчего ты куришь и зачем ты куришь...

– Папа! Чтоб я умер через четверть секунды, чтоб я не видел папа и маму в своих глазах, что я даже не знаю ничего вовсе и если я курил (*плачет*), чтоб с меня стала сейчас папироса и чтоб я сгорел, как бомба (*плачет*).

– Чтоб ты мне не строил твои аферистские мошенства... Я же вижу, что это ложная неправда с головы до конца, потому что честный мальчик, который на самом деле ничего в глаза не видал, так он плачет с глазами, а ты плачешь с носом, ты плачешь, мерзавец... Вытри нос, вытери нос, а то тут будет скоро так мокро, что мне надо будет одеть калоши, у меня подмётки порватые. Он думает, что если он, как мамочка, мне сделает истерики, так я начну бежать за акушеркой... Как я тебе могу верить, что ты не куришь, когда на твоём столе стоит папироса и ты мне со слезами пускаешь дым в глаза... Ты знаешь, что может стать с таким мальчиком, как ты, который курит?

– Чтоб я получил холеру с чумой...

– Ты мне не заговаривай зубы с холерой и чумой... Ты скажи мне одно слово, знаешь или не знаешь?

– Нет!

– Нет? Так я тебе объясню!.. Стой ровно! Не вытирайся с брюками! Одни штаны теперь стоят триста настоящих рублей, так он с брюками вытирается... Вот же лежит вечерняя газета, так ты больной с неё вытереться? Слушай! Мальчик, который курит, так у него, во-первых, стаёт борода даже на лице, во-вторых, он умирает на всю жизнь холостяк, в-третьих, на том свете, когда разворачивают его кишки и видят, что они такие чёрные, так из них в аду делают трубу, чтоб ставить самовар... Теперь я тебя спрашиваю: что ты себе и мне и всем остальным себе думаешь?

– Папа (*плачет*), чтоб мне рот обсох, как бельё на чердаке (*плачет*)...

– Вот то, что ты плачешь – это первое доказательство, что у тебя в сердце не то, что в рте... Отчего я не плачу, отчего мама не плачет, отчего весь свет не плачет, потому что все чистые, как никто... А ты паршивец теперь и мерзавец останешься на всю жизнь.

В это время входит мадам Циммерман.

– Что ужас такой, Моисей? Ты не имеешь мать под рукой, так ты уже до мальчика лезешь.

– О, ты уже выросла! А вечером, когда я тебя зову, так ты себе на кухне стоишь, как плита. Ты хромая присмотреть, чтоб он не курил, как курица – этот бездельник.

– Из чего ты берёшь, что он курит? Ты видал?

– Я должен видеть? Когда я ушёл, так я оставил папиросы, 10 штук, я их пересчитал туда и назад три раза. Прихожу теперь – лежит 12.

– Так что же ты, сумасшедший, хотишь? У тебя же больше.

– В этом же несчастье! Откуда больше? Что это? Чудеса, чтоб я мог поверить, что какая-нибудь папироса родила ещё две... Что ты на меня смотришь, как будто я психиатор?

– А как же я на тебя буду смотреть?.. Покажи, где папиросы. Я тоже хочу видеть.

– На, смотри! Ты думаешь, что твои глаза иначе приготовлены... На! Раз, два, три...

– Ша, но покажи-ка коробочку... Это вовсе не твоя коробочка... Твою я положила в письменный стол, а это учитель занимался с Давидкой и наверное оставил на тебе свои папиросы.

– Таки правда! Ну, так что ты думаешь? Он всё равно негодяй... Так он теперь не курит, так он через 10 лет будет курить... Ты его не знаешь, он паршивец... Когда я кричу, что его надо бить, как собаку, так можешь мне поверить... Я даром кричать не буду".

* * *

Когда в 1918-ом в Одессе хозяйничали белые, певец Юрий Морфесси осенью открыл так называемый Дом артистов. Там был и ресторан, и карточный клуб, и кабаре, для выступления в котором привлекался и молодой Утёсов. Он выступал там наряду с такими известными исполнителями как Иза Кремер, Надежда Плевицкая, Александр Вертинский. Участвовал в программах Дома артиста и сам Ю. Морфесси, у которого в те времена была сказочная слава.

Многие считают Юрия Спиридоновича Морфесси (1882–1957) коренным одесситом, но это не совсем так. Он родился в Греции, в Афинах, а через год родители переехали в Одессу.

Пение его привлекало с детства, и он довольно рано решил всерьёз заняться певческим образованием. Усердно посещал оперу, концерты, пел в любительских спектаклях, выступал на благотворительных вечерах. Позже стал учеником Одесской консерватории по классу вокала.

В 1903 году Морфесси неожиданно переезжает в Киев. Причина столь поспешного бегства заключалась в том, что у него родился сын, а жениться он совсем не хотел. Тем более что матери его ребёнка не было ещё и пятнадцати лет.

После Киева Морфесси пел в Ростове-на-Дону, затем обосновался в Петербурге. Однако при случае наведывался и в родную Одессу. (Но не к сыну, которого так и не увидел.)

Постепенно обладатель сочного баритона Морфесси занял положение ведущего исполнителя старинных и современных романсов, русских и цыганских песен. Где бы он ни появлялся, вокруг него кружился рой поклонниц с цветами и записками, в которых его умоляли о свидании... Нередко он покидал подобные сборища через чёрный ход.

Очень нравилось его пение и царю – этот тембр голоса "со слезой", эта манера исполнения. Его Величество жаловал певцу то художественную булавку с изображением шапки Мономаха, то запонки с бриллиантовыми орлами. Беседуя однажды с Морфесси, Николай II сказал, что поражен его памятью – помнить наизусть так много песен. Однако, как тут же выяснилось, у царя память не хуже – он помнил, в каком спектакле слышал Юрия Спиридоновича год назад.

Морфесси пел все шлягеры того времени, а многие песни становились шлягерами благодаря тому, что он включал их в свой репертуар: «Кирпичики», «Маруся отравилась», «Дни за днями катятся», «Я мила друга знаю по походке» и, безусловно, незабвенный «Чубчик». Одним из его коронных номеров был романс А. Макарова «Вы просите песен, их нет у меня».

Выступал он обычно в белой косоворотке и купеческом кафтане, иногда в поддёвке, род лёгкого приталенного пальто, и в сапогах, изредка в черкеске и во фраке.

Юрий Спиридонович принадлежал к тому типу людей, с которыми вечно происходят недоразумения. Ещё студентом консерватории его пригласили исполнить партию Валентина в опере Ш. Гуно «Фауст». Другой бы дебютант от волнения места себе не находил бы. А легкомысленный Морфесси накануне спектакля решил покататься с приятелем на яхте. Они попали в шторм, насквозь промокли, и Юрий очень сильно простудился.

Вскоре нечто похожее произошло вновь. Незадолго до своего выступления в одном ответственном концерте Морфесси соблазнился морским путешествием на ледоколе. В принципе он вернулся бы в город к назначенному сроку, но неожиданно на ледокол поступила новая команда – нужно было направляться на спасение терпящего бедствие судна. С большими затратами сил и нервов капитану все-таки удалось высадить Морфесси на берег.

Помимо прочего, это пребывание на ледоколе запомнилось Юрию тем, что он узнал много матросских песен, которых не слышал раньше. Одна из них особенно понравилась ему. Он выучил её, сделал музыкальную обработку, и она стала чрезвычайно популярна. Речь идет о песне "Раскинулось море широко". Кстати, она стала первой песней, записанной Морфесси на пластинку (под названием "Вахта кочегара").

Венцом его "водных процедур" стало отплытие в 1920 году в эмиграцию. Вообще-то Морфесси собирался уезжать в Константинополь со своей петроградской любовницей Анной Васильевой. Они вместе доехали до Ялты, где сели на греческий миноносец "Пантера". Однако в Одессе Анна Назаровна зачем-то ненадолго сошла на берег. В это время начался артиллерийский обстрел, и миноносец был вынужден срочно уйти в открытое море, унося на своем борту её ненаглядного Юрия Спиридоновича.

В 1929 году Морфесси познакомился в Белграде с Валентиной Лозовской. Во время гражданской войны она храбро сражалась в рядах Добровольческой Армии, устанавливала рекорды на сербских состязаниях по плаванию, завоевывала призы на автомобильных гонках... Ю. Морфесси и В. Лозовская поженились. В это время на горизонте появился её бывший любовник, богатый серб. Юрий Спиридонович увёз жену от греха подальше в Париж. Вскоре бывший любовник появился и там. Когда Морфесси был в отъезде, Лозовская продала его квартиру, мебель, имущество и вместе с настырным сербом вернулась в Белград.

Выступая в эмиграции, Морфесси в своем репертуаре делал упор на песни типа "Гайда тройка!", "Ну, быстрее летите, кони!", "Ямщик, не гони лошадей!", "Эй, ямщик, гони-ка к Яру!"...

– Юра, слезь ты с этих троек, – сказал ему как-то Вертинский. – Их давно уже и в помине нет, кругом асфальт, машины...

* * *

Летом 1919 года в Одессе уже хозяйничали большевики. В то время Утёсов познакомился и подружился с молодым матросом Олегом. Друзья часто ходили вместе на море. Однако Олег никогда не купался, даже в самую сильную жару он не снимал тельняшку. Утёсова разбирало любопытство – почему матрос чурается воды? Тот давал всякие уклончивые ответы. Леонид постоянно подтрунивал над ним, мол, ты моряк, а не умеешь плавать, хотя бы имел мужество признаться...

Олег долго терпел насмешки приятеля, но в один прекрасный день не выдержал. Задрав тельняшку до подбородка, он сказал: "Смотри!"

Леонид взглянул и обомлел – всю грудь оперативника из одесской ЧК занимала огромная татуировка. Она изображала двуглавого орла. И вдобавок было написано: "Боже, царя храни!"

* * *

В 1957 году подготавливались документы для присвоения Утёсову почётного звания Народного артиста РСФСР. За это время личное дело артиста пополнилось большим количеством характеристик, ходатайств, справок. Сам Леонид Осипович заполнил анкету и написал автобиографию. Мы иногда будем цитировать эти документы. Книгу воспоминаний цитировать излишне, она легко доступна. А личное дело мало кто видел. (РГАЛИ, фонд 2095, оп 1, дело 1216). Подводя итог раннего периода сценической деятельности Леонид Осипович писал так:

«В художественную практику моей работы входили самые разнообразные формы. Театры миниатюр: скетчи, водевили, комедии, пьесы, одноактные оперетты. Эстрада: чтение юмористических рассказов, куплеты, инсценировки рассказов, цыганские романсы в лицах. Сольные выступления: «Живая газета» – сатирический эстрадный номер, музыкальные номера, комические хоры, романсы и т. д.

До 1920 года работа протекала, главным образом, на юге (Киеве, Одессе, Харькове и др.)».

Глава 2

«Вот вам одесский истинный крест!»

* * *

В марте 1920 года журнал «Вестник театра», № 58, опубликовал статью наркома просвещения А. В. Луначарского «Будем смеяться», ставшую руководством к действию. Её пафос заключался в том, что театральным деятелям следует бережнее относиться к тем проблескам смеха, которые ещё, к счастью, проявляются в нашей много пережившей стране. Направлять смеховую стихию, её силу в должное русло.

«Когда вы победили врага гнусного, но могучего, не думайте, что это окончательно, особенно если дело идет о целом классе, о целой культуре. Тысячами ядовитых нитей опутывает он вас со всех сторон, а некоторые из этих щупальцев запустил в самый мозг ваш, в самое ваше сердце, и, как иные гидры, он может возродиться. Такие нити нужно вырвать, их нужно истребить. Механически этого сделать нельзя, нельзя сделать этого насильем, нельзя сделать этого операцией, пришлось бы искромсать всё тело живого существа и всё – так ничего не добиться. Но это можно сделать химически. Есть такое вещество, такая дезинфекция, которая заставляет улетучиться всю эту погань, – это смех, великий санитар. Сделать что-нибудь смешным – это значит нанести рану в самый жизненный нерв. Смех дерзок, смех кощунственен, смех убивает ядом отравленных стрел.

И в наше время, когда мы повергли гигантского врага только в России, когда мы поистине опутаны ещё отравляющими весь воздух наш нитями былой культуры, когда рядом со всех сторон этот же враг ещё торжествует и ждет момента, чтобы нанести новый удар, – в такое время мы, не выпуская меча из одной руки, в другую можем взять уже тонкое оружие – смех».

Простите за длинную цитату. Но в данном случае сформулировать лучше наркома трудно. Он же после теоретических предпосылок переходит к практическим советам: нужны сатирики, авторы социальных комедий, способные перетряхнуть «рухлядь прошлого»; необходимо создавать театры сатиры; искать художников, способных создать соответствующие костюмы и декорации; привлекать композиторов, умеющих сочинять легко запоминающуюся музыку для куплетов...

«Неужели этого не будет? Неужели на ярмарках, на площадях городов, на наших митингах не будет появляться, как любимая фигура, фигура какого – то русского Петрушки, какого – то народного глашатая, который смог бы использовать все неисчерпаемые сокровища русских прибауток, русского и украинского языков с их поистине богатырской силищей в области юмора? Неужели не зазвучит такая ладная, танцевальная, такая разымчивая русская юмористическая песня, и неужели, все это не пронзится терпким смехом всеразрушающей революции? Слова А. В. Луначарского пали на благодатную почву: в разных городах страны стали появляться театры революционной сатиры – теревсаты.

Первый из них возник в Витебске. В апреле 1919 года его организовал поэт Михаил Пустынин. Сначала представления нового театра назывались "Вечера Тарара-бумбия", а с февраля следующего года, ещё до статьи А. В. Луначарского, уже стал теревсатом. По примеру витебцев были созданы аналогичные театры миниатюр в других городах. У всех в программе одноактные агитпьесы, куплеты, частушки, эстрадные номера – всё с острой политической направленностью.

В апреле 1920 года витебский театр гастролитовал в Москве и столь успешно, что его перевели в столицу. Предоставили помещение на углу Большой Никитской улицы и Малого Кисловского переулкa. Раньше там находилась оперетта Е. Д. Потопчиной. В наследство от оперетты новый театр получил декорации, костюмы, нотную библиотеку. В Теревсат перешли также оркестр, хор, некоторые солисты. Да ещё прибавились непристроенные артисты эстрады. Короче, труппа насчитывала около четырёхсот человек.

Именно в этот театр поступил Утёсов, приехав в Москву в январе 1921 года. Это была его вторая попытка завоевать столицу. Она оказалась намного успешней первой – Леонид Осипович стал работать в театре, которым руководил Давыд Григорьевич Гутман (1884–1946). Он был выдающимся эстрадным режиссёром. В предвоенные годы Гутман, можно сказать, был режиссёром номер один. Он является создателем Ленинградского театра сатиры (ныне Санкт-Петербургский академический театр комедии им. Н. П. Акимова) и Московского театра сатиры. В 1938–1939 годах – главный режиссёр Московского театра эстрады и миниатюр, позднее – художественный руководитель Мосэстрады. Когда-то он подсказал молодому А. Вертинскому сценическую маску Пьеро и помог ему точно выработать свой стиль. Про себя Гутман говорил: «Я не Давид, а Давыд. Через «еры». У меня твёрдое положение в театре, твёрдый характер и твёрдое имя!» В предреволюционные годы Гутману поручили постановку «Горя от ума». Он сразу назначил на роль Чацкого совсем неопытного артиста из массовки. Антрепренёр удивился: – Как же так?! Ни рожи ни кожи. У него ужасный голос. Не может произнести ни одной стихотворной строчки... – Это-то и хорошо, – сказал Гутман. – Иначе как я докажу, почему Софья полюбила Молчалина, а не Чацкого?.. Однажды в театр к Гутману зашёл автор, который долго не мог получить свой гонорар. И на этот раз Давыд Григорьевич сказал, что заплатить не может, поскольку их банковский счёт арестован. Огорчённый автор вздохнул: – К вам как ни придёшь, всегда ваш счёт арестован. – А он вечный узник, – ответил Гутман... Вот с таким человеком – энергичным, остроумным, эрудированным – счастливая судьба свела Леонида Осиповича с первых шагов в Москве. Гутман и Утёсов быстро сдружились. Видя страстное желание одессита играть на сцене, Давыд Григорьевич поручал ему много ролей. А в спектакле по антирелигиозной пьесе М. Криницкого "Урайских врат" Леонид Осипович вообще переиграл все роли – апостолов, ангелов, пророков и чёрта. Не достался ему только бог Саваоф, которого играл артист Николай Плинер. Это была его единственная роль, он не собирался никому уступать её.

Тогда Утёсов и Гутман написали ему якобы от имени верующих угрожающее письмо: "Если ты, бандит, будешь ещё играть господу бога, то через три дня будешь избит, а через неделю убит".

Перепуганный Плинер пришел с этим письмом в кабинет Гутмана и сказал, что отказывается играть Саваофа. "Случайно" находившийся там Леонид Осипович принялся стыдить его:

– Ты трус! Ты не понимаешь задач подлинно сатирического актера. Стыдно бояться каких-то жалких негодяев.

– Если ты такой храбрый, – огрызнулся Плинер, – то играй сам.

Утёсову только это и надо было услышать.

P.S. Довольно длительное время группа артистов гастролитовала в Крыму. Однажды Плинера спросили:

– Николай Матвеевич, почему вы такой бледный? Мы уже столько времени здесь, вы же ни капельки не загорели.

– Мне нельзя сидеть на солнце, – вздохнул тот.

– А что у вас – сердце, давление?

– У меня карты. Карты на солнце просвечивают, играть невозможно.

Р.Р.С. На эстраде Н. М. Плинер начал выступать ещё до революции, в Харбине, когда город входил в состав Российской империи, и у него имелась такая афиша: "Танц-комик, куплетист и еврейский джентльмен Николай Матвеевич Плинер".

В городе было много прожигателей жизни, поэтому дела местного шантана, где особенно блистал Плинер, шли превосходно. А вот драматический театр буквально хирел на глазах, приличных сборов не было... Чтобы спасти положение, его антрепренер пошёл на рискованный эксперимент. Он хотел поставить спектакль из жизни босяков по пьесе М. Горького "На дне" и уговорил популярного среди харбинцев Плинера сыграть там Луку. Артист согласился с условием, что за ним будет оставлено его привычное амплуа. Поэтому на афише спектакля было особо подчёркнуто, что роль странника Луки исполнит танц-комик-куплетист и джентльмен Николай Плинер.

* * *

Однажды нескольких актеров Теревсата, в том числе и Утёсова, пригласили в Кремль на читку и обсуждение новой пьесы. Как раз Леонид должен был прочитать её собравшимся вслух.

На столе было обычное по тем временам скромное угощение – селёдка, чёрный хлеб, вместо сахара – леденцы. В конце читки один из принимавших сказал:

– Вот мы все слушаем, а товарищ Утёсов читает, работает. Поэтому ему полагается особый паёк.

С этими словами он достал бутылку вина. Только собрался налить артисту, как в комнату ворвался мальчик, сынишка одного из кремлевских обитателей, и крикнул:

– Ильич идёт!

Сообщил и снова юркнул в коридор.

Бутылку мигом спрятали – мало ли что Ленин подумает, и все затихли в ожидании. Тут снова появился мальчик и спокойным тоном известил:

– Прошёл мимо.

* * *

В оперетте Лео Фалля "Разведённая жена" Утёсов играл председателя суда, а Г. М. Ярон – прокурора. Они сидели рядом за судейским столом, на котором находились всякие канцелярские мелочи – книги, бумаги, чернильница... Произнося свои реплики, Ярон размахивал левой рукой, сбрасывая со стола предметы и якобы невзначай задевая председателя суда по лицу. Он делал это так уморительно, что в зале стоял несмолкающий хохот. Однако для Утёсова такое поведение партнера было не очень приятно. На одном из спектаклей только открылся занавес, как Леонид Осипович мёртвой хваткой вцепился в руку Ярона и не выпускал её весь акт. Лишённый возможности жестиковать, "прокурор" был в отчаянии – он не мог ничего сбросить со стола...

В тот вечер Ярон впервые выступил без всякого успеха.

Р.С. Выдающегося актера и режиссера Григория Марковича Ярона с полным правом можно назвать рыцарем оперетты. Он очень много сделал для развития этого жанра. Прославившийся исполнением буфонно-эксцентрических ролей он играл и в театрах миниатюр, и часто выступал на эстраде. В 1920 году он подружился с В. В. Маяковским, который прозвал его "Яронищем". Как-то они вместе даже конферировали концерт в Доме печати. Ярон – низенький и худенький. Маяковский выносил его на сцену на одной руке.

– Не тяжело? – участливо спрашивал Ярон поэта.

В ответ тот басил:

– Ничего страшного. В следующий раз ты меня будешь выносить.

Нередко Ярон грешил тем, что вставлял в текст пьесы всякую отсебятину. Например, играя в "Сильве" комического старика, он на сцене вдруг сказал:

– В свадебное путешествие мы отправились на роскошном автомобиле...

Спровоцированный неожиданными словами партнер перебил его:

– Когда вы женились, никаких автомобилей не было.

– Да, автомобилей не было, – согласился Ярон и добавил: – Но лошади уже попадались.

* * *

Однажды В. В. Маяковский пригласил Утёсова к себе домой – на обед. Гости собрались в комнате поэта в Лубянском проезде. Стол был необыкновенно хорош, и хозяин намекал на то, что всех ожидает сюрприз – такое кушанье, какого они ещё никогда не ели. Когда наконец Владимир Владимирович принёс блюдо с аппетитным жареным поросёнком, гости едва поверили своим глазам – такая редкость это была тогда.

После обеда гости наперебой принялись благодарить Маяковского за угощение, особенно за поросёнка. Владимир Владимирович объяснил, что это был не просто поросенок, а "поросёнок-самоубийца". Его выкармливали на коммунальной кухне. Он там благополучно жил, но однажды движимый любопытством взобрался на подоконник раскрытого окна пятого этажа и оттуда, увы, свалился.

– Пошли и забрали его, – сказал Маяковский. – Но это был уже не поросёнок, а свинина.

Гибель животного и послужила поводом для обильного обеда.

* * *

В молодости Гутман и Утёсов разыгрывали вдвоем забавные сценки в лицах. Они называли это "игрой в образы". Через несколько лет Леониду Осиповичу захотелось проверить – верен ли его старый друг забавной привычке. Давыду Григорьевичу было уже за пятьдесят.

Они шли после сильного дождя по вечернему Баку. Неожиданно, резко повернувшись, Утесов спросил Гутмана:

– Вы император Александр Второй?

– Конечно, – не моргнув глазом ответил тот.

– Тогда я вас сейчас убью.

– Чем?

– Бомбой! – крикнул Утёсов и бросил ему под ноги свёрток с концертной рубахой.

Тогда Давыд Григорьевич в своем нарядном костюме плюхнулся прямо в лужу и завопил:

– Православные! Царя убивают!

P.S. Когда Гутман находился в зените славы, он повстречался на улице с Мейерхольдом, и тот предложил ему поставить спектакль в его театре.

– Только при одном условии, – сказал Давыд Григорьевич. – Если вы разрешите повесить занавес.

– Зачем? – удивился Всеволод Эмильевич.

– Потому что после моей последней премьеры Вася Регинин написал в рецензии: "Спектакль прошёл с большим успехом, занавес давали шестнадцать раз"... Вы в своём

театре отменили занавес. Так что теперь напишет Вася? "Занавес не давали шестнадцать раз"?

*** В репертуаре Леонида Осиповича ещё до революции имелся такой «многосерийный» номер – куплеты продавца газет. Размахивая пачкой газет и пританцовывая, он появлялся на сцене и напевал:

Газетчик, без сомненья,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Рассадник просвещения,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
Редактор и наборщик
Лишь составляют номера.
Я же газету
Ношу по свету.

Газетчик я! Далее, исполняя актуальные куплеты, он делал иронический обзор одесской прессы. Придумал этот номер и регулярно писал для него тексты известный в то время одесский сатирик Яков Ядов. В 1921 году, выступая в московском театре «Эрмитаж» Леонид Осипович решил реанимировать этот обычно хорошо принимаемый зрителями номер. Но сделал его более публицистическим. Как и прежде, он выходил на сцену в каскетке газетчика, с сумкой, в куртке, на которой была нарисована – тонкий намёк – утка. Словно читая свежую прессу, артист в куплетной форме пересказывал, то есть высмеивал, разные небылицы о Стране Советов, сочиняемые буржуазной печатью. Практически каждый вечер он исполнял новые куплеты на актуальную тематику. Откуда бралась такая прорва? Утёсов рассказывал, что в течение дня несколько эстрадных авторов сочиняли для него куплеты, тематика которых была навеяна материалами утренних газет. Учить их наизусть было некогда. Поэтому перед началом концерта Леонид Осипович клеивал бумажки с текстами в газету, с которой и выбегал на сцену. (Про подобную оперативность в те времена говорили: «Утром в газете – вечером в куплете». В наши дни половина этой фразы заменена; «Утром в газете – вечером в Следственном комитете»). Наиболее активным среди пишущих для него в тот период был Николай Эрдман, который вскоре прославится своей пьесой «Мандат», поставленной в театре Мейерхольда. Его творческий союз с Утёсовым будет продолжаться много лет. Николай Робертович один или в соавторстве напишет для утёсовского оркестра несколько великолепных программ, в том числе «Музыкальный магазин» и, как следствие сценарий фильма «Весёлые ребята», навеки прославивший певца.

* * *

В 1922 году Утёсов познакомился и подружился с М. М. Зощенко, он стал первым исполнять его рассказы со сцены. По сути дела, Михаил Михайлович является идеальным эстрадным автором. У его произведений имеются все компоненты, делающие их привлекательными для публичного исполнения: лаконичность, образный язык, иносказательность, не говоря уже об остроумии. Автор тоже ощущал их самодостаточность. Как-то один эстрадный артист спросил Зощенко:

- Как мне нужно читать ваши рассказы, чтобы иметь успех у зрителей?
- Вслух, – ответил писатель.

* * *

Летом 1922 года Теревсат был преобразован в Театр Революции, художественным руководителем назначен В. Мейерхольд. Но Утёсов без дела не сидел – ежевечерне выступал в трёх театрах. В Театре оперетты, куда его пригласили, поскольку он замечательно пел и танцевал, на очень важное в любой музыкальной комедии амплуа простака. В антракте оперетты он успевал смотаться в сад Эрмитаж и выступить в руководимым А. Г. Алексеевым театре «Кривой Джимми» со своими одесскими рассказами – короткими зарисовками, состоявших из диалогов между персонажами. А после окончания оперетты он спокойно переходил на открытую сцену эстрадного театра, завершая программу куплетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.